

И.А. ШМЕРЛИНА

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ В ОСМЫСЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ: П.Л. ЛАВРОВ И Н.И. КАРЕЕВ

Аннотация. В статье описана междисциплинарная традиция исследования социальной жизни в русской социологии, начатая П.Л. Лавровым и критически осмысленная Н.И. Кареевым. Показано, что взгляды Лаврова на социальную жизнь животных в значительной степени определялись его социально-политическим мировоззрением, доминанту которого составляли представления об активной, критически мыслящей личности как главном факторе общественного прогресса. Позицию Кареева в отношении социологического потенциала «животной социологии» отличал выраженный скептицизм, при этом Карееву принадлежит заслуга четкой и хорошо обоснованной демаркации социальности человека, проведенной по линии социальных институтов. Данная традиция в определенной степени перекликается с сегодняшним всплеском интереса к биосоциальной проблематике, представленным в направлении Human-Animal Studies. Фактически можно говорить о переоткрытии, на новом концептуальном и этическом витке, сведений об эмоционально-психической и социальной жизни животных, которые были достаточно полно и глубоко осмыслены в отечественной социологии.

Ключевые слова: социология животных; русская социология; субъективная школа в социологии; «борьба за существование»; «союз для существования»; антропоморфизм; социальные институты; non-human animals; HAS (Human-Animal Studies).

Для цитирования: Шмерлина И.А. Социальная жизнь животных в осмыслении отечественных социологов: П.Л. Лавров и Н.И. Кареев // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 3. С. 141–162. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5997

В исторических границах науки социологии (то есть с 1930-х гг.) истоки «животной социологии» следует, по-видимому, искать в сочинениях Вильгельма Вундта. Предпринимаемая здесь историко-научная реконструкция данной традиции базируется на мнении Н.И. Кареева, который в совместной с В. Шимкевичем статье «Социальная жизнь животных» писал: «Одним из первых заговорил о С. жизни животных, с социологической точки зрения, Вундт... На вполне социологическую

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** shmerlina@yandex.ru

точку зрения впервые поставил этот предмет П.Л. Лавров... в научных работах: “Цивилизация и дикие племена” и “До человека”, печатавшихся в “Отечественных Записках” за 1869 и 1870 гг. Автор применяет к изучению С. жизни животных эволюционную теорию и, ища в животном мире зародышей тех явлений, которые достигают полного своего развития в мире человека, старается выяснить те развития, которые существуют в общественности зоологической и человеческой (см. также в его “Опыте истории мысли”). Позднее ту же тему, но только с меньшим успехом в философском отношении, разрабатывал Эспинас в своем труде “Les sociétés animales” (1882)¹ [20, с. 63–64].

Возьмем это краткое описание в качестве плана изложения и рассмотрим прежде всего взгляды П.Л. Лаврова и влияние на них В. Вундта, а также представления самого Кареева об анализируемом предмете.

Петр Лаврович Лавров (1823–1900)

“Душа животных” и представления о животных и формах их совместной жизни у ученых XIX века. Изданные в 1863 г. лекции В. Вундта «Душа человека и животных» уже в 1865–1866 гг. были переведены на русский язык [3] и, таким образом, почти в равной степени принадлежат как западной, так и отечественной научной традиции. «О важности этого труда, — пишет историк современной психологии, — говорит его переиздание (исправленное) почти через 30 лет после первой публикации и выход многочисленных репринтных изданий вплоть до кончины Вундта в 1920 году» [22, с. 90]. Сочинения П.Л. Лаврова «Цивилизация и дикие племена» [1]² и «До человека» [12], в которых излагаются его представления о биологических основах социальности, базируются прежде всего на названной работе Вундта. В этом отношении мнение Кареева, который весьма пренебрежительно отозвался о названном сочинении Вундта, противопоставив ему труд Лаврова как «целый трактат по “пресоциологии”», «притом более научный, чем соответственный отдел в книге Вундта» [9, с. 51], выглядит необоснованным. Сам Лавров совершенно иначе оценивает значение Вундта: «Так как Вундт несравненно полнее и обстоятельнее развил те данные, которые наука имеет уже относительно общественности животных и их семейной жизни, то... предлагаем читателю некоторые места из главы, сюда относящейся», — пишет он в работе «Цивилизация и дикие племена» [1, с. 44] и далее, на протяжении пятнадцати страниц,

¹ В действительности данная работа вышла в 1877 г.; в 1822-м она появилась в русском переводе.

² Впервые эта работа была опубликована анонимно в журнале «Отечественные записки» за 1869 г. (№ 5–9). В настоящей статье мы цитируем эту работу по изданию, вышедшему в 1904 г. под псевдонимом Арнольди.

сплошным текстом, практически не разбавляемым комментариями самого Лаврова, приводятся фрагменты из немецкого издания «Души...» Вундта. Факты, которые Вундт сообщает в своих лекциях, поражают обширностью сведений о поведении животных и умиляют наивным антропоморфизмом. Те удивительные данные, которые современный читатель может почерпнуть из научной, научно-популярной и просто популярной литературы — например, о существовании «культуры животноводства» у муравьев [5, с. 24], — были хорошо известны уже во второй половине позапрошлого века. Так, Лавров приводит цитату из Вундта: «...распространен в колонии муравьев обычай держать домашних животных. Именно доказано, что многие муравьи держат травяную вошь как домашнее животное» [1, с. 57]. В другом своем труде Лавров дает собственное описание сложных и разнообразных форм материальной культуры и социальной жизни термитов, отмечая существование у них «техники домостроительства», поражающей воображение человека; «накопление запасов»; «весьма развитое скотоводство», включающее в том числе возведение «скотных дворов»; предположительно — растениеводство, а также кастовое деление, невольничество и паразитизм на чужом труде (см.: [12, № 3, с. 71–73]). Стоит подчеркнуть идейную принципиальность Лаврова, который, не будучи биологом, стремится найти прочные основания для своих взглядов в науке своего времени и не хочет заниматься безответственными «гаданиями» относительно плохо изученных фактов, будь то растениеводство у муравьев или «государство» у животных, стоящих на «зоологической ступени» ниже «суставчатых» (членистоногих): «Беспозвоночные животные представили нам низшую зоологическую ступень, на которой мы нашли общество, со всеми его условиями жизни... Спускаться ниже государств суставчатых было бы рассуждением над фактами, социологическое значение которых гадательно» [1, с. 196].

Существует принципиальная разница в характере аналогий между поведением человека и животных, которые проводили авторы XIX в. и к которым прибегают некоторые современные популяризаторы этологии. Сегодняшние аналогии основаны на редукционизме — стремлении объяснить индивидуальное и общественное поведение человека биологией его предшественников. Ученые и публицисты XIX — начала XX вв. придерживались обратной перспективы — антропоморфной³, наивно и смело объясняя наблюдения из жизни животных чисто человеческими побуждениями, для которых современная этология (пока) не дает достаточных оснований. Анекдотичен случай, который настолько впечатлил Лаврова, что он упоминает его (хотя и с некоторой долей сомнений) как в «Цивилизации...», так и в работе «До человека»: «Вундт приводит анекдот... о легкомысленной самке журавля, которая

³ Сам Лавров определял свое мировоззрение как «антропологизм» [18].

нарочно купалась всякий раз пред прилетом мужа, чтобы скрыть следы своей неверности с другим журавлем, и попалась только потому, что какой-то жестокий блюститель нравственности (из людей) выпустил воду из корыта, в котором она обыкновенно купалась, что имело следствием, вероятно к истинному удовольствию нравственного наблюдателя, открытие виновности и жестокую казнь» [1, с. 207].

Данный «анекдот» показывает степень несколько экзальтированной доверчивости, которую авторы позапрошлого столетия испытывали к психическим и интеллектуальным возможностям животных, приписывая им чисто человеческие реакции, помыслы и побуждения. Лавров не видит оснований не доверять этим оценкам, тем более что их разделял не только Вундт, но и другие авторы, с работами которых прямо или опосредованно Лавров был знаком⁴. Так, он приводит еще один характерный «анекдот», который должен свидетельствовать о сложности психической жизни животных, — наблюдение Туссенеля, почерпнутое Лавровым из чтения Кудро: «Я видал, — говорит Туссенель, — как три или четыре волка соединились, чтобы умертвить собаку пастуха, бдительный надзор которой мешал им; разорвав ее на клочки, они разбрасывали ее члены, голову и внутренности по всем наиболее посещаемым перекресткам, как бы для примера другим. Очевидно, что не голод, а жажда мести побуждала их к убийству, так как они оставляли в целости все части тела собаки» [1, с. 39–40].

Подобное восприятие животных сквозь призму психической жизни человека отвечает сегодняшним установкам направления Human-Animal Studies (HAS). Безусловное понимание среди адептов последнего встретило бы неожиданное предположение о нереализованном умственном потенциале животных, сформулированное Лавровым в работе «До человека». Отмечая существование у животных «высшей психической способности, способности личного *выбора*» [12, № 3, с. 83], трогательной эмоциональной привязанности к своему партнеру или даже представителю другого вида (включая человека), эстетических склонностей, зачатков «работы мысли» и нравственного чувства (см.: [12, № 3, с. 79–86]), Лавров ставит нетривиальный вопрос «...о том, чем *могут* сделаться млекопитающие при рациональном развитии

⁴ Помимо лекций Вундта, Лавров пользуется другими источниками, которые, по-видимому, входили в круг чтения интеллигентной публики того времени. Среди упоминаемых им авторов — некто *Кудро (Coudereau)*; *Туссенель* (возможно, Альфонс Туссенель (1803–1885), французский натуралист, журналист и писатель); *Леруа* (Ш.Ж. Леруа — французский натуралист и мыслитель, автор трактата «Философские письма об уме и способности животных к совершенствованию», 1781), а также *А.Э. Брем* (или Брэм (1829–1884), автор знаменитой «Иллюстрированной жизни животных»), на которого Лавров много ссылается в третьей части работы «До человека».

их, когда человек будет ставить себе лишь человеческие цели и не будет представлять животным худшего примера хищничества и животных наклонностей, когда он станет иметь в виду их благо и их развитие настолько же, как свою пользу...» [12, № 3, с. 86].

Наивный антропологизм в описании психического склада животных сочетался у натуралистов XIX века с доверчивым социологизмом в отношении способов их совместной жизни. В центре их внимания находились семья и государство. Лавров приводит на этот счет мнение Вундта, не подвергая его никаким сомнениям: «...у значительного числа животных мы находим семейную и даже государственную жизнь. Следовательно, многие животные не лишены именно тех обычных форм... которые тесно связаны с нравственным сознанием» [1, с. 44].

Вундт и другие авторы не сомневались в наличии в социальной жизни животных «зародышей» как нравственного чувства, так и осмысленного, преднамеренного, в той или иной степени, выбора. Если в отношении семейной жизни высших животных подобные взгляды поддерживаются (до определенных пределов) современной этологией, то рассуждения Вундта об особенностях «государственной жизни пчел» сегодня звучат наивно и смешно. Однако в конце XIX в. они казались вполне убедительными, и Лавров цитирует их как научно установленные факты. Показателен приводимый Лавровым фрагмент из Вундта, в котором описывается процесс образования новой пчелиной семьи вследствие соперничества маток: «Как лишь в одном рое явилось несколько маток, ревность между ними не допускала дальнейшего мирного сожителства... Это побудило... массу работниц обдумать, как бы матки не гибли в бесполезных поединках... Для объяснения происхождения государства пчел, конечно, должно допустить участие в некоторой степени размышления и преднамеренности...» [1, с. 54].

Приведенные примеры создают впечатление о неумеренности антропо- и социоморфных иллюзий мыслителей XIX в. Это не так. «Доверие» последних к «нравственному сознанию» и разуму животных знает свои пределы, и основным фактором, управляющим поведением «братьев наших меньших», считался все же инстинкт.

Таков корпус фактов, на которые как на безусловно установленные наукой опирается Лавров. Для Лаврова, как и для Вундта, несомненно, что истоки социологии уходят в естественную историю, начинающуюся *до человека*: «...в инстинктивных [то есть природных. — И. Ш.] явлениях его общежития для нас поставлены уже многие самые сложные вопросы социологии...» [13, с. 68]. Таковыми для Лаврова являются вопросы общественно-государственного устройства, культуры, цивилизации и роли личности в истории.

«Государственность животных». Лавров не видит оснований опровергать точку зрения Вундта, что истоки государственности уходят в животный мир. «Вундт возводит человеческие государства к двум

разным началам: к семейству и к союзу с определенной целью; он находит то же самое и у животных» [1, с. 50].

Соответственно этим двум началам выделяются две формы «государственных объединений» животных. Впрочем, правильнее было бы говорить о двух смыслах, которые Вундт (а вслед за ним Лавров) вкладывают в слово «государство». Первый — это нестрогое описание общественных «коллективов» животных, превосходящих семейную группу: «...всякое сожительство большого числа животных полагает начала их государству, а склонность соединяться в стаи или стада встречается у большей части птиц и млекопитающих» [1, с. 54].

Подобные «целевые группировки» животных (стаи, стада и проч.), образующиеся с целью охоты или сезонного перелета, Вундт рассматривал как примитивную и нестойкую форму государства: «Конечно, эта организация весьма первобытная. Она часто ограничивается одной какой-либо целью и, по достижении ее, государство распадается» [1, с. 50].

Такие объединения Лаврова интересуют мало. Его внимание сосредоточено на «государствах» общественных насекомых, первоначально вырастающих из семьи, но впоследствии разрушающих эту форму и приобретающих, по мнению Вундта, признаки полноценной государственности: «...лишь государство муравьев есть государство животных в полном смысле этого слова» [1, с. 57–58]; «...в государствах насекомых нельзя говорить о связи собственно семейной, потому что эти государства хоть и суть не что иное, как распространенные семьи, но господствует в них закон государственного строя» [1, с. 45].

Именно здесь, при описании этой социальной формы, Лавров отходит от цитирования Вундта, и на страницах «Цивилизации...» начинает звучать голос самого Лаврова, политический тембр которого не вызывает сомнений: «Мы уже приближаемся к государствам животных в истинном значении этого слова. Эти государства... замечательны общественными постройками, обитаемыми вместе всеми членами государства... К этому присоединяется еще и разделение труда, различное употребление особей, смотря по их физическим особенностям. Лишь здесь государство организовано и строго обособлено от всего, лежащего вне его. Последствия резкого разделения каст, существующие между людьми... встречаются и в государствах животных. Тот результат, которого достигает в человеческом обществе деспотичный закон, имеющий в виду исключительно государственные цели, и здесь окончательно достигнут, именно — личная свобода совершенно разрушена и семья уничтожена» [1, с. 51].

Все эти метафоры («государства животных», «касты», «личная свобода»), звучащие неожиданно и даже слегка анекдотично для современного уха, отнюдь не осознаются как таковые и используются Лавровым в прямом, непосредственном смысле. По-видимому, это естественно для раннего этапа накопления и осмысления данных

о биологии поведения животных, когда нужны были интуитивно доступные категории, способные отразить качественную определенность форм, открываемых естествоиспытателями. Впрочем, уже А. Эспинас, отмечая симметричность терминологического заимствования между естественным и гуманитарным знанием, указывал на непродуктивность этих смысловых переносов [23, с. 3].

Справедливости ради стоит отметить, что у Лаврова можно различить некоторые сомнения относительно правомочности называть социальную организацию муравьев «государством» в силу ее некоторой утрированности, излишней жесткости и неподвижности, однако в общем и целом он считает оправданным использование межвидовых аналогий: «Применение слова *государство* к обществам суставчатых, — писал он в работе «До человека», — нельзя считать совсем точным, хотя эти общества осуществляют именно то, что в глазах некоторых писателей составляет идеал государства: неизменный закон, полное подчинение ему всех членов общества, отсутствие самонаименованного проявления критики, самонаименованной оппозиции...» [12, № 3, с. 73].

Заслуживает упоминания еще одно наблюдение Лаврова. Он обращает внимание на то удивительное обстоятельство, что общественная жизнь примитивных беспозвоночных оказывается значительно сложнее и богаче, нежели позвоночных, стоящих на более высокой ступени эволюционной лестницы [1, с. 207; 11, с. 565]. Это обстоятельство обсуждалось и этологами XX в. как один из парадоксов, не позволяющих выстроить единую эволюционную линию развития социальности (см., в частности: [16, с. 325; 2, с. 208]. Осмысление парадоксов социальной эволюции привело к гипотезе имманентной социальности, убедительное изложение которой можно найти в работе Ю.М. Плюснина [17], а истоки — в сочинении А. Эспинаса «Социальная жизнь животных» [23]. Лавров, в соответствии со своими общественно-политическими установками, связывает названный парадокс с развитием индивидуальности и личной свободы, позволяющей позвоночным встать над диктатом «деспотичного закона» общественного строя: «...отсутствие в мире позвоночных тех сложных форм общежительности, которые мы видим у высших суставчатых, происходит от психического строя не количественно-беднейшего, а качественно-иного» [12, № 3, с. 78]; «...из общих явлений жизни позвоночных можем вывести заключение, что в них вырабатывается постоянно элемент, не замечаемый в беспозвоночных; это — господство индивидуального побуждения над общественным строем, над обычаем... Позвоночные животные относятся к общественной жизни как к средству, а не отдают ей себя совсем, подобно муравьям и пчелам...»; «...именно в том, что особь здесь видит в общественном предании лишь временное средство, именно в том, что особь выбирает, изменяет, соображает с а м а , именно в этом лежит, кажется, умственное преимущество позвоночных... Личная мысль

и ее влияние на изменение обычая — вот важный элемент общественности, появляющийся среди позвоночных» [1, с. 208, 209]. Отмечая, что развитые умственно-психические способности позвоночных позволяют им более избирательно, нежели пчелы и муравьи, относиться к общественным установлениям, Лавров также переворачивает логику рассуждения, полагая, что именно «...простота [общественных] форм или — употребляя обычный термин — отсутствие государственности дозволило индивидуальности в среде позвоночных развиваться более разнообразно» [1, с. 209].

«Культура и цивилизация»: социософская концепция Лаврова. В работе «Цивилизация и дикие племена» (1869) Лавров начинает развивать оригинальную социософскую концепцию, основанную на противопоставлении цивилизации и культуры. В этом вопросе он оппонирует, в частности, статье Кудро «Что означает цивилизация» (*Sur ce qu'on entend par la civilisation*). Как пишет Лавров, Кудро включал в это понятие «весь животный мир, и напомнил о фактах, сближающих образ жизни низших животных с образом жизни человека. “Слово цивилизация, — сказал он, — должно бы обозначать состояние, в котором живут существа, находящиеся в общественных отношениях”. Он свел... вопрос о цивилизации на вопрос о существовании общественных отношений между особями...» [1, с. 32–33]. Стремлением всесторонне и объективно рассмотреть этот сюжет и обусловлено обращение Лаврова к тематике животных и способов организации их жизни: «...из различных точек зрения, здесь выставленных... очевидно, что вопрос о человеческой культуре или человеческой цивилизации имеет весьма различные стороны; что для его полной оценки надо иметь в виду и нравы общественных животных... в цивилизации есть элемент общий с обществами животных... Кажется, всего удобнее начать с самой низшей точки, представляющейся для сравнения человеческой цивилизации, то есть со строя жизни животных...» [1, с. 34–35].

В отличие от Кудро, Лавров считает необходимым провести резкую грань между «культурой» и «цивилизацией». Первая, в его представлении, основана на «зоологическом элементе», суть которого состоит в господстве однажды установленного обычая, вторая — на критической работе мысли личности. «Мы видим, что животный мир, стоящий ниже человека, — пишет Лавров, — мог создать общество, семью, государство и технику в форме обычая и предания, опирающихся на потребности и привычки... Как только обычай установился, особь ему подчиняется безусловно, там где общественная жизнь наиболее развита (у ос, пчел, муравьев). Всякая личная свобода немислива; всякая личная критика невозможна; всякое отступление от обычая ведет за собою смерть»; «Весь мир беспозвоночных, не представляя следов протеста личной мысли и переработки культуры мыслью, остается при одной культуре, то есть он имеет один из элементов цивилизации,

ее формальную сторону, жизнь общественную как наследственный, необсуждаемый, ненарушимый, безусловно обязательный обычай, как предание и привычку. Этот элемент есть и во всякой человеческой цивилизации, но к нему здесь присоединяется другой элемент, мысль личности, постоянно перерабатывающая культуру и развивающая в этой переработке, — это элемент человеческий; хотя его можно проследить и в мире позвоночных, но там он постоянно подавлен внешними обстоятельствами и не может добраться до состояния прогрессивности в обществе» [1, с. 59, 221–222].

Таким образом, жесткость общественных форм животных, не допускающих личной свободы, позволяет, по Лаврову, говорить только о культуре. Последняя понимается Лавровым в двух значениях, близких, но не тождественных тем, что закрепились в современной гуманитарной мысли, трактующей культуру как (а) объективированные результаты созидательной деятельности (материальные и нематериальные) и (б) как способ передачи информации, закрепляющий и консервирующий эти результаты. Оба аспекта культуры хорошо различимы у Лаврова. Так, отмечая существование в животном мире поразительного богатства материальных и социальных форм, имеющих много общего с человеческим миром, он заключает: «В наиболее развитых обществах, в так называемых государствах насекомых, мы встречаем формы культуры весьма сложные и разнообразные; здесь даны все условия, все особенности культуры, как мы ее встречаем и в человечестве, следовательно, нет ни малейшего повода отнимать у этой ступени психического развития животных названия *культуры*» [12, № 3, с. 71, 74].

В то же время в развиваемой Лавровым концепции культуры акцентируется преимущественно второй ее аспект, а именно — механизм закрепления и консервации достигнутого. Этот механизм Лавров трактует по-ламаркистски — как наследственное закрепление благоприобретенных признаков. Именно таким образом, по мнению Лаврова, возник феномен социальности — через спонтанное проявление склонности к «общежителству» и формирование на основе этой склонности соответствующего инстинкта; далее, как полагал Лавров, на основе этого инстинкта происходило закрепление в жизни сообщества разнообразных культурных навыков [12, № 3, с. 74–75]. Подобная трактовка культуры противоречит тому, что понимается под этим феноменом сегодня, в том числе в биологической науке, а именно — негенетический способ трансляции благоприобретенных знаний и умений⁵, однако в контексте своего времени она выглядела

⁵ Когда определенный поведенческий паттерн «распространяется внутри группы, когда он переходит от поколения к поколению благодаря традиции и когда он упорно удерживается в группе, причем исключительно в качестве благоприобретаемого поведенческого признака, тогда мы имеем дело с культурой в этологическом смысле этого понятия» [26, р. 65].

вполне убедительно. Следует учитывать непроясненность вопроса о способах передачи биологических признаков в биологии XIX в. Заметим, что Лавров был знаком с великим сочинением Ч. Дарвина⁶ и, следовательно, имел представление о *естественном отборе*, однако механизм последнего был неясен самому основателю теории биологической эволюции.

Концепция культуры Лаврова сформировалась как отражение его социально-мировоззренческой позиции, как стремление выработать четкие и научно обоснованные критерии общественного прогресса. В этой мировоззренческой схеме культура оказалась на стороне застывшей традиции и косности, а цивилизация — на стороне прогрессивной критической мысли: «...обозначая словом культура исключительно элемент привычки, обычая и предания в общественной жизни, мы имеем возможность обособить это слово от слова цивилизация...» [1, с. 221].

Здесь уместно напомнить, что в российскую историю Лавров вошел как один из ведущих идеологов народничества, делавший ставку на роль личности в истории. Его интерес к миру животных предопределен вполне очевидными политическими интересами. Однако, несмотря на политическую пристрастность, Лавров стремится удержаться на платформе научной нейтральности и беспристрастности, пытаясь выявить естественно-природные истоки как культурной косности, так и цивилизационной прогрессивности. Суть и смысл культуры есть «приспособление к существующей среде» [13, с. 35]; неизменность последней, как и неизменность естественных законов, физиологических и психических, определяющих существование человека, порождает в нем склонность к привычке. Представляя собой «зоологический элемент в жизни человечества» [14, с. 108], культура сближает человека с его биологическими предшественниками: «...привычка обращает деятельность личностей в полуинстинктивное отправление; вырабатывается для большинства искусственная культурная потребность — жить сообразно обычаю и сохранять унаследованный общественный строй. Эта потребность... представляет второе из главных препятствий к общественному прогрессу и причин, сближающих человеческое общество с обществами беспозвоночных» [13, с. 36].

Если «неподвижная» культура («коченеющие формы культуры» [13, с. 36]) возникает как результат приспособления к окружающей среде, то цивилизация есть деятельность по изменению последней, требующая появления «критической мысли». Последовательно реализуя свои научно-исследовательские интенции, Лавров говорит о необ-

⁶ Работа «О происхождении видов...», опубликованная в Великобритании в 1859 г., на русском языке появляется в 1864-м — одновременно в виде изложения [19] и перевода [4]. Лавров в работе «До человека» ссылается на второе издание в переводе Рачинского, вышедшее через год [12, № 1, с. 150].

ходимости проследить «зоологическое развитие мысли» [13, с. 65]. Он убежден, что потребность развития, вызывающая «*работу мысли*», «не представляет чего-либо прирожденного человеку, совершенно особой органической способности; она имеет длинный генезис, низводящий ее элементарные проявления к низшим зоологическим формам» [13, с. 34]. Истоки этой потребности — в стремлении к лучшему существованию, в «первоначальном побуждении» «всякого ощущающего организма увеличивать наслаждение и удалять страдания» [13, с. 35]. Однако лишь «общество высшего порядка» — цивилизация — основывает свой строй не только на «зоологическом элементе культуры», но и на критической мысли личности, дающей возможность уйти от закоснелых общественных форм в сторону прогресса, «пользы, изящества, истины, справедливости» [1, с. 230].

Социальной проекцией оппозиции *культура — цивилизация* оказывается деление общества на индифферентное большинство (см. [13, с. 6]) и мыслящее меньшинство. Лишь немногие личности поднимаются над зоологическим существованием человека, над «инстинктивной деятельностью [его] мысли» [13, с. 65]. Именно эта линия естественного развития, которая находит свое завершение в деятельности критически мыслящих личностей, по-настоящему интересует Лаврова. «Лишь высшие группы суставчатых, птицы и млекопитающие могут быть отнесены к животным *культурным*. — пишет он. — Лишь у некоторых птиц проявляется деятельность *личного выбора*, а не безусловное подчинение культурным формам. Лишь немногие группы птиц, по гибкости *мысли*, могут быть поставлены рядом с наиболее развитыми хищными, грызунами, с полуобезьянами и низкими обезьянами. Лишь между обезьянами и человекообразными встречаем развитие молодых особей, как бы обещающее *прогрессивную* работу мысли, но останавливающееся при возмужалости. Лишь в человеческих расах встречаем *цивилизацию*, т. е. прогрессивную работу мысли над культурой. Лишь в немногих национальностях находим *историческое* развитие. Лишь в немногих личностях находим *самостоятельную* работу мысли» [12, № 2, с. 560–561].

Приведенные выше отрывки хорошо иллюстрируют стиль Лаврова, отличающийся неустойчивым балансом между научностью и публицистичностью. Как подчеркивалось выше, Лавров — не биолог и не исследователь, а социальный мыслитель, публицист и политик (впрочем, не революционно-практического, а теоретического склада, кабинетный мыслитель, как характеризует его Н.И. Кареев [9, с. 45]). Мысль Лаврова, безусловно, направляется народническими идеалами и целями, и понятийная определенность категорий *культура* и *цивилизация*, равно как и специфика общественных отношений животных, для него важны не сами по себе, а для обоснования общественно-политической позиции, базирующейся на представлениях об определя-

ющей роли личности в истории⁷. По мере того, как данная позиция проступает в его рассуждениях, научно-нейтральная тональность изложения сменяется открытой публицистичностью, приводя к несколько «размашистым» выводам: «Имея в виду преимущественно культуру, можно было ставить на одну ступень общество беспозвоночных и общество современных парижан» [1, с. 222].

Несмотря на то, что современная цивилизация позволяет человеку подняться над зоологическим уровнем существования, над «инстинктивной деятельностью мысли» [13, с. 65], большинство, сетует Лавров, живут согласно унаследованным формам жизни и привычкам, как муравьи в своих муравейниках: «Они действительно живут в среде цивилизации, но для них цивилизация есть лишь несколько сложнейшая форма общестственности, где ходы мышинных нор и построек термитов заменены паркетными гостиными, boulevard Montmartre, Pall-Mall, Большой Морской; дойные вши муравьев заменены наследственной рентою, или чиновничьим жалованьем; но в сущности разницы нет никакой» [1, с. 198].

Знания о животных сообществах должны послужить назиданием людям, за цивилизационными формами которых скрывается «культура беспозвоночных»: «То, что преподносится как цивилизация, оказывается культурой беспозвоночных. Покорно благодарим: этой у нас довольно» — едко замечает Лавров в заключительных пассажах «Цивилизации...»; «...Нашему отечеству, как всем народам мира, надо побольше людей мысли и поменьше людей культуры...» [1, с. 264; 263].

Николай Иванович Кареев (1850–1931)

Оценка Н.И. Кареевым П.Л. Лаврова. Н.И. Кареев, роль которого в осмыслении, систематизации, распространении и институционализации социологического знания в России несомненна и значительна, высоко ценил Лаврова, назвав его первым русским социологом [9, с. 351]. В области изучения природных предпосылок человеческого общества он ставил его несравненно выше Эспинаса. Любопытно, что если Эспинасу Кареев не прощал идей, которые считал теоретическими ошибками, то в отношении Лаврова он занимал гораздо более лояльную позицию, аккуратно обходя наиболее спорные и сомнительные заключения последнего. Прежде всего — относительно государственности животных. Так, например, критикуя «чисто внешние и поверхностные сравнения», которые некоторые исследователи «животных общежитий» проводят между ними и политическими формами людей, Кареев противопоставляет таким исследователям Лаврова, хотя Лавров фактически и есть один из таких исследователей. Между тем Кареев обращает внимание на другую, значительно более

⁷ Как пишет Н.И. Кареев, «понятие критической мысли как двигателя исторического процесса» Лавров «унаследовал преимущественно» «от левого гегельянства» [9, с. 46].

ценную в его глазах, линию рассуждений Лаврова, «который, связав в одно целое общественную эволюцию у животных, начиная с низших и кончая высшими, [...] не только показал, как нужно сравнивать между собою социальные формы зоологического и человеческого миров, но специально остановился на исследовании взаимных отношений между отдельною особью и социальным целым на разных ступенях эволюции» [7, с. 281–282] (а именно — показал нарастание в природных сообществах индивидуального начала и личной свободы).

Социальная жизнь животных и ее место в социологии. Несмотря на то, что Кареев не разделял увлечений «животной социологией», он уважительно относился к изысканиям Лаврова в этой области и, более того, считал необходимым обсуждать эти вопросы как релевантную социологическую проблематику. Он включает соответствующие разделы как в специальный историко-философский труд «Основные вопросы философии истории», так и в работы, призванные популяризировать социологическое знание, — «Основы русской социологии», «Введение в изучение социологии», а также участвует в написании статьи для энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона под характерным названием «Социальная жизнь животных». Данная статья весьма любопытна не только как факт, но и своим построением, отражающим биологический и социологический взгляды на предмет. Первая часть написана видным биологом своего времени В. Шимкевичем и отличается исключительной междисциплинарной «политкорректностью». Автор не употребляет по отношению к животным слов «государство», «деспотия», «монархия», «республика» и проч. и предостерегает относительно самой возможности подобных аналогий: «Нужно с большой осторожностью сопоставлять эту форму общественной жизни, свойственную некоторым перепончатокрылым (осы, пчелы, муравьи и др.) и прямокрылым (термиты), с формами общественной жизни человеческой, несмотря на такие разительные стороны сходства, как существование сословий... войн, рабовладения, явлений, напоминающих отношение человека к домашним животным...» [20, с. 62–63]. Вторая часть названной словарной статьи написана Кареевым и представляет собой комментарий социолога, обусловленный высокой популярностью животной тематики в социологическом сообществе. Так, еще в 1887 г., в работе «Основные вопросы философии истории», Кареев отмечал, что вопрос об «общежительных животных» сделался «в наше время предметом довольно тщательного изучения... от которого ожидают важных результатов как для психологии, так и для социологии» [8, с. 102]. Сам Кареев явно не разделял этих ожиданий. Несмотря на «обнадеживающее» начало социологического раздела брокгаузовской статьи («Социальная жизнь животных, — пишет Кареев, — представляет большой интерес и с чисто социологической точки зрения» [20, с. 63]), как следует из дальнейшего, социологиче-

ская точка зрения отнюдь не поощряет, но скорее требует пресечения ошибочных и неперспективных сопоставлений. Настоятельность подобных корректировок представляется Карееву особенно насущной, поскольку в период Лаврова и Михайловского, то есть в последние три десятилетия XIX в., «господствовала мода на сведение явлений общественной жизни к естественно-историческим процессам и даже видели в социологии чуть ли не специальную только главу биологии» [9, с. 63]. Отношение Кареева к данному вопросу было достаточно ясно выражено еще в «Основных вопросах философии истории» (1887), где вопрос об «общежительных животных» был поставлен только для того, чтобы сделать заключение: «...социальные формы животных... суть только промежуточные звенья между организмом и обществом людей» [8, с. 103]. В целом совершенно очевидно, что Кареев не разделяет «мысли об особом отделе науки “пресоциологии”, предметом которой были бы общежития животных» [20, с. 63], считая сходства между ними и человеческими обществами «внешними, а иногда и совершенно прозрачными» [20, с. 64].

Рассуждая об элементарных формах социальной жизни животных, Кареев выводит эту тематику из зоны профессиональной «юрисдикции» социологии: «...будут ли это законы социологии вообще?.. Связь тут чисто физиологическая или психическая, социальной организации нет, власть покоится на физической силе, уме, опытности. Общежития животных целиком явления, подлежащие изучению биологии, и много если коллективной психологии» [8, с. 105].

Любопытно, впрочем, что когда Кареев переходит к более детальному описанию общежитий животных, он, по сути, проводит определенные аналогии между животными и человеческими сообществами. Так, общежития обезьян Кареев считает «прототипом дикого человеческого общества»: «...тут мы имеем все факторы общественной жизни — *психическую связь* между особями, власть, основанную на общем *признании*, *личную инициативу*, которая может идти вразрез с *социальным авторитетом*» [8, с. 106; 107].

Социальные институты как атрибут «жизни чисто социальной». В отличие от общих рассуждений на тему социальности животных, где Кареев не всегда убедителен (например, тезис, что социальная организация животных целиком и полностью определяется морфологической организацией последних, не поддерживается современной этологией), в отношении государственности животных он приводит точные аргументы. Они позволяют нащупать ту качественную грань, которая разделяет социальность животных и человека, и в принципиальном плане закрыть этот вопрос. Эта грань проходит по линии социальных институтов. Кареев демонстрирует глубокое и вполне современное понимание социальных институтов как феноменов, связанных прежде всего с отвлеченными идеями. Именно институты, рассуждает он

в духе Дюркгейма, задают предмет социологии. Говоря об известном параллелизме общественной жизни обезьян и «дикого человеческого общества» (здесь, как уже отмечалось, Кареев не совсем последователен), он подчеркивает: «...есть разница между сборищем обезьян и обществом людей: в последнем есть *учреждения*, постоянные формы, но не настолько неизменные, как организация роя. Quasi-учреждения роя суть продукты развития органического, социальные институты суть продукты развития над-органического. Устройство отдельного организма, животной колонии, общежития насекомых, семьи голубя объясняются законами биологии, устройство птичьей республики или обезьяньего скопища объясняются законами коллективной психологии, и одно только человеческое общество, способное интегрироваться до бесконечности... имеет то, что составляет предмет социологии и не может быть поэтому объяснено ни биологией, ни психологией. Общежитие обезьян не есть государство, потому что в нем все держится на одной психической связи: в вожаке стаи уважают особь, а не воплощенную в ней идею власти... [Лишь] у человека сделалась возможною жизнь чисто социальная, появление институтов» [8, с. 107–108].

Кареев нащупывает еще одно тонкое различие социальности и животных и человека, связанное с динамическим аспектом существования социальной формы. Он проникательно замечает, что животные сообщества не имеют ресурсов развития и всегда остаются неизменными: даже у обезьян «...каждая группа живет совершенно так же, как все остальные, и сегодня, как вчера» [8, с. 108]. Действительно, в отличие от социальных институтов, элементарные социальные формы, основанные на непосредственном взаимодействии индивидов, не способны к развитию (эту тему, требующую специального обсуждения, мы здесь рассматривать не будем; см. данный сюжет в [21, с. 42–43]). Кареев объясняет это недостаточным уровнем психического развития высших животных, не позволяющим им воспринимать действительность на уровне отвлеченных идей: «...Обезьяна не настолько развита психически, чтобы психическое взаимодействие могло выйти за пределы маленькой группы и охватывать несколько групп, чтобы могло возникнуть отвлеченное политическое целое, чтобы власть могла быть признана в отвлеченном институте, а не в той или другой особи...» [8, с. 109].

Современная институционалистика позволяет сделать шаг вперед по сравнению с этой трактовкой. Социальные институты, которые Кареев совершенно верно трактует как надорганические образования, строятся принципиально иными средствами, нежели ресурсы индивидуальной психики, а именно — средствами надличностной символической коммуникации. Кареев не доводит до конца эту линию рассуждения, но подходит к ней очень близко — в частности, когда рассуждает о значении языка в функционировании человеческих сообществ, об отвлеченном идейном содержании «невидимых соци-

альных форм», составляющих содержание человеческих сообществ: «...обезьяна не способна чувствовать своей солидарности с отвлеченным целым, одна группа не способна сноситься с другою, не имея необходимого для этого орудия — языка... Слабое психическое развитие и отсутствие языка делают невозможным и обмен мыслей, создающий развитую идейную культуру, — и традицию, которая передает культуру из поколения в поколение... Рассматривая внимательнее общества высших животных, мы видим отсутствие у них духовной традиции и социальных институтов, переходящих из поколения в поколение. [...] Только способность к абстракции создает общие идеи и учреждения, как нечто отвлеченное, как постоянные системы отношений, не основанных на непосредственном психическом взаимодействии. Одно дело чувствовать свою солидарность с другими, которых видишь, другое — чувствовать то же по отношению к невидимому целому...». Кареев подчеркивает, что для солидарности с отвлеченным целым, подчинению отвлеченной власти или авторитету, для отношений с «отвлеченными лицами» «нужны отвлеченные идеи, совокупность которых составляет духовную культуру, и невидимые формы, совокупность которых есть социальная организация» [8, с. 108–109].

* * *

Таким образом, к концу XIX в. наука располагала обширным набором фактов, обстоятельнейшими описаниями, достаточно глубокими проблематизациями и вполне современными прозрениями относительно параллелей между социальностью человека и животных. В этом отношении довольно парадоксальным выглядит наблюдаемый в современной мировой социологии всплеск интереса к биосоциальной проблематике, воплощенный в направлении HAS. Фактически в нем происходит, в несколько драматизированном и экзальтированном виде, переоткрытие сведений об эмоционально-психической и социальной жизни животных, которые были достаточно полно и глубоко осмыслены в отечественной социологии.

Актуализация «животной социологии» в рамках HAS

Human-Animal Studies (HAS) — любопытное научное явление современности, практически не замеченное отечественными социологами (нам встретилась лишь одна публикация на русском, посвященная анализу этого направления, — [15]). Оставляя в стороне трансгуманистическую протестную составляющую данного направления (она хорошо изложена в упомянутой публикации), мы сосредоточимся на его научных установках и требованиях. Последние звучат весьма громко и формулируются как “the animal challenge to sociology”⁸. Смысл этого

⁸ Не найдя стилистически приемлемого перевода, выражающего идею *вызова социологии со стороны проблематики, связанной с животными*, мы оставляем в тексте оригинальное английское выражение.

вызова состоит в том, чтобы раздвинуть границы социологии, включив в нее животных. Принятие этого вызова должно, по мнению представителей HAS, привести к отказу от антропоцентризма, на котором базируется социология, переопределению социальности, пересмотру понятий агентности, субъективности и рефлексивности и, в конечном счете, более глубокому пониманию того, что значит быть человеком. «Более полное осознание того общего, что есть между людьми и другими животными, — пишут представители направления, — того, что социальная жизнь и культура не являются уникально человеческими феноменами, есть часть *animal challenge to sociology*» [24, p. 93].

Когнитивно-мировоззренческая подоплека HAS связана, несомненно, с развитием и популяризацией данных общей и когнитивной этологии, открывшей богатый эмоциональный, интеллектуальный и социальный мир животных (*non-human animals*), что полностью перевернуло представления о них как об автоматах, закрепленные в науке нового времени одним из ее основателей Р. Декартом.

Программа HAS связана также с осознанием и некоторой драматизацией того обстоятельства, что животные есть полноценные участники человеческой истории. С древнейших времен они живут рядом с человеком и, вне всяких сомнений, являются важнейшей составляющей его мира и представлений о нем. Несколько поспешным, на наш взгляд, выводом из подобных, достаточно очевидных, констатаций, выступает требование признать за животными статус социальных акторов. Речь идет не просто о терминологическом отображении социальной активности животных в их природных взаимоотношениях, но о включении их в структуры человеческого социума как со-творцов последнего [24; 25].

Такова конфигурация современного «животного поворота в социологии» (“the ‘animal turn’ in sociology”), «анимализирующего наше понимание социальной жизни» [27, p. 13, 25]. Заявленная в его рамках новая повестка дня в социологии связана с признанием «не только человеческой (*more-than-human*) природы общества и социальности» [27, p. 16] и заявкой на такую теоретическую реконструкцию понятия общества, в которой найдется место для животных, а также, в практическом социальном смысле, с требованием наделить животных определенными позициями и правами. Звучит фантастично, но можно вспомнить о еще недавно подчиненном положении колониальных народов или о временах, когда женщина не имела избирательных прав, и иное строение политической системы казалось немислимим; именно к подобным аналогиям прибегают представители HAS [24].

Если отвлечься от несколько шокирующей идеи переписать социологию с учетом роли животных как акторов человеческой истории, то речь может идти о более спокойной и реалистичной исследовательской программе, связанной с признанием биологической подоплеку соци-

альности и выделением ее универсальных и видоспецифических форм. В целом можно согласиться со сторонниками НАС, что «полноценное понимание общества невозможно, если мы будем продолжать фокусировать социологический взгляд только на людях» [24, р. 79].

Интрига состоит в том, что подобный широкий междисциплинарный подход к постижению феномена социальности был в определенных рамках реализован еще во второй половине XIX в., и если и не был в полной мере интегрирован социологией, то ситуация была близка к этому. «Тщетны и бесплодны все столь часто возобновляемые попытки открыть законы социальной жизни в человеческом обществе независимо от ее проявлений в остальной природе», — писал Эспинас в 1877 году [23, с. 4]. С ним соглашался Дюркгейм, полагая, что «вполне правомерно исследовать... не содержат ли... [условия социальной организации] частичные сходства с условиями организации животного мира в том виде, как определяет их со своей стороны биолог. Можно даже предположить, что любая организация должна иметь общие черты, которые небесполезно выявить» [6, с. 208].

Между тем, как в отечественной, так и в западной социологии традиция «животной социологии» оборвалась довольно резко, не оставив практически никаких следов в сегодняшней социально-теоретической мысли. Если в западной социологии она фактически переоткрывается заново, то в отечественной науке тема социальности животных решительно выведена за рамки социологического дискурса (весьма активно и успешно она обсуждается сегодня в этологии).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольди С.С. (Лавров П.Л.).* Цивилизация и дикие племена. СПб.: Коммерческая скоропечатня, Лиговская, 57, 1904. — 264 с.
2. *Бутовская М.Л., Файнберг Л.А.* У истоков человеческого общества: Поведенческие аспекты эволюции человека. М.: Наука, 1993. — 253 с.
3. *Вундт В.М.* Душа человека и животных: Лекции проф. Гейдельбергского университета В. Вундта / Пер. с нем. Е.К. Кемница; Издание П.А. Гайдебурова. СПб.: Типография Н. Тиблена и комп. (Н. Неклюдова), 1865. Т. I — 618 с.; Т. II — 640 с.
4. *Дарвин Ч.Р.* О происхождении видов в царствах животном и растительном путем естественного подбора родичей или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование / Соч. Чарльса Дарвина; Пер. с англ. С.А. Рачинский. СПб.: А.И. Глазунов, 1864. — 399 с.
5. *Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб.: Петроглиф, 2009. — 352 с.
6. *Дюркгейм Э.* Представления индивидуальные и представления коллективные / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана // Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 206–243.
7. *Кареев Н.* Введение в изучение социологии. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. — 418 с.

8. *Кареев Н.* Основные вопросы философии истории. Ч. II. Научные основы теории прогресса. 2-е, перераб. изд. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1887. — 311 с.
9. *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. — 368 с.
10. *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Ред. журн. «Самообразование», 2007. — 235 с.
11. *Лавров П.* Антропологическая жизнь. (Опыт истории мысли нового времени. Том I. Часть вторая). Женева: Вольная русская типография, 1894. — 1568 с.
12. [*Лавров П.Л.*] До человека // Отечественные записки. 1870. № 1. С. 119–167; № 2. С. 543–562; № 3. С. 61–100⁹.
13. [*Лавров П.Л.*]. Опыт истории мысли. Том I. Вып. 1. СПб.: Ред. журн. «Знание», 1875. — 162 с.¹⁰
14. *Лавров П.Л.* Исторические письма // Философия и социология: Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М.: Академия наук СССР, Институт философии, Изд-во «Мысль», 1965. С. 6–295.
15. *Михайлин В., Решетникова Е.* «Немножко лошади»: антропологические заметки на полях анималистики // Новое Литературное Обозрение. 2013. № 6 [электронный ресурс]. Дата обращения: 05.05.2018. URL: <<http://nlobooks.ru/node/4196>>.
16. *Панов Е.Н.* Поведение животных и этологическая структура популяций. М.: Наука, 1983. — 423 с.
17. *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука, 1990. — 240 с.
18. *Пушкарева И., Пушкарев Л.* Лавров, Петр Лаврович // Энциклопедия «Кругосвет». [электронный ресурс]. Дата обращения 09.05.2018. URL: <<http://www.krugosvet.ru/node/42398>>.
19. *Ролле Ф.* Карла Дарвина учение о происхождении видов в царстве растений и животных, примененное к истории миротворения: С приложением биографии Дарвина, составленной С. Шэнманом / Излож. и объясн. Ф. Ролле; Пер. М. Владимирского. СПб.: М.О. Вольф, 1864. — 320 с.
20. *Шимкевич В., Кареев Н.* Социальная жизнь животных // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Том 31. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1900. С. 62–64.
21. *Шмерлина И.А.* Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 25–45.
22. *Шульц Д.П.* История современной психологии / Пер. с англ. А.В. Говорунов и др. 2-е изд. на рус. яз., перераб. и испр. СПб.: Евразия, 2002. — 532 с.

⁹ Источник опубликован без указания имени автора. Авторство П.Л. Лаврова подтверждено, в частности, в [20].

¹⁰ Источник опубликован без указания имени автора. Авторство П.Л. Лаврова установлено в: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.: Книги и периодические издания / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина; [науч. ред. Б.С. Итенберг]. 2-е доп. и перераб. изд. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1981.

23. Эспинас А.В. Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии / Пер. с фр. Изд. 3-е. М.: Либроком, 2012. — 320 с.
24. Carter B., Charles N. The animal challenge to sociology // *European Journal of Social Theory*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 79–97. DOI: 10.1177/1368431016681305
25. Hsu E.L. The sociological significance of non-human sleep // *Sociology*. 2017. Vol. 51. Iss. 4. P. 865–879. DOI: 10.1177/0038038515616353
26. Immelmann K., Beer C. Dictionary of ethology. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1989. — 336 p.
27. Wilkie R. Animalising social life: An introduction // *Miscellanea Anthropologica et Sociologica*. 2014. No. 15 (1). P. 13–25.

Дата поступления: 11.04.2018.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2018. VOL. 24. NO. 3. P. 141–162. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5997

I.A. SHMERLINA

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Moscow, Russian Federation.

Irina A. Shmerlina — Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (499) 120-82-57.
Email: shmerlina@yandex.ru

THE SOCIAL LIFE OF ANIMALS AS PERCEIVED BY RUSSIAN SOCIOLOGISTS:

P.L. LAVROV AND N.I. KAREEV

Abstract. The interdisciplinary tradition of studying social life in Russian sociology, initiated by P.L. Lavrov and critically conceptualized by N.I. Kareev, is described in this article. It is shown that Lavrov's views on the social life of animals were largely determined by his socio-political worldview, the dominant of which was the idea of an active, critically thinking person as the main factor in social progress. Kareev's position with regard to the sociological potential of "animal sociology" was marked by pronounced skepticism. It's worth noting that Kareev accomplished a clear and well-grounded demarcation of human sociality, conducted along the line of social institutions. To a certain degree this tradition resonates with today's increasing interest towards bio-social issues presented in the field of Human-Animal Studies. Actually, one could say that we are witnessing a reemergence, on a new conceptual and ethical level, of data on the emotional, mental and social life of animals, which was quite comprehensively and deeply understood in Russian sociology.

Keywords: the sociology of animals; Russian sociology; the subjective school in sociology; "struggle for existence"; "alliance for existence"; anthropomorphism; social institutions; non-human animals; HAS (Human-Animal Studies).

For citation: Shmerlina I.A. The Social Life of Animals as Perceived by Russian Sociologists: P.L. Lavrov and N.I. Kareev. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 141–162. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5997

REFERENCES

1. Arnol'di S.S. (Lavrov P.L.). *Tsivilizatsiya i dikie plemena*. [Civilization and the savage tribes.] St Petersburg: Kommercheskaya skoropechatnya publ., 1904. 264 p. (In Russ.)
2. Butovskaya M.L., Fainberg L.A. *U istokov chelovecheskogo obshchestva: Povedencheskie aspekty evolyutsii cheloveka*. [At the origins of human society: Behavioral aspects of human evolution.] Moscow: Nauka publ., 1993. 253 p. (In Russ.)
3. Vundt V.M. The soul of man and animals: Lectures by Prof. W. Wundt of Heidelberg University [Russ. ed.: *Dusha cheloveka i zhivotnykh: Lektsii prof. Geidel'bergskogo universiteta V. Vundta*. Transl. from Germ. by E.K. Kemnits. St Petersburg: Tipografiya N. Tiblena i komp. (N. Neklyudova) publ., 1865. Vol. I. 618 p.; Vol. II. 640 p.]
4. Darvin Ch.R. On the origin of species by means of natural selection, or the preservation of favoured races in the struggle for life. [Russ. ed.: *O proiskhozhdenii vidov v tsarstvakh zhivotnom i rastitel'nom putem estestvennogo podbora rodichei ili o sokhranении usovershenstvovannykh porod v bor'be za sushchestvovanie. Sochineniya Charl'za Darvina*. Transl. from Eng. by S.A. Rachinskii. St Petersburg: A.I. Glazunov publ., 1864. 399 p.]
5. Dol'nik V.R. *Neposlushnoe ditya biosfery. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptits, zveri i detei*. [A naughty child of the biosphere. Conversations about human behavior in the company of birds, animals and children.] St Petersburg: Petroglif publ., 2009. 352 p. (In Russ.)
6. Dyurkgeim E. *Ideas individual and collective. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie*. [Sociology. Its subject, method, purpose.] Transl. from French., select., afterword and notes by A.B. Gofman. Moscow: Kanon publ., 1995. P. 206–243. (In Russ.)
7. Kareev N. *Vvedenie v izuchenie sotsiologii*. [Introduction to the study of sociology.] St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha publ., 1897. 418 p. (In Russ.)
8. Kareev N. *Osnovnye voprosy filosofii istorii. Ch. II. Nauchnye osnovy teorii progressa*. [The main issues of the philosophy of history. Part II. Scientific foundations of the theory of progress.] 2nd ed. St Petersburg: Izdanie L.F. Panteleeva publ., 1887. 311 p. (In Russ.)
9. Kareev N.I. *Osnovy russkoi sotsiologii*. [The foundations of Russian sociology.] St Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha publ., 1996. 368 p. (In Russ.)
10. Kropotkin P.A. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii*. [Mutual aid as a factor of evolution.] Moscow: Red. zhurn. "Samoobrazovanie" publ., 2007. 235 p. (In Russ.)
11. Lavrov P. *Antropologicheskaya zhizn' (Opyt istorii mysli novogo vremeni)*. [Anthropological Life (The experience of the History of New Time thought).] Vol. I. Part 2. Zheneva: Vol'naya russkaya tipografiya publ., 1894. 1568 p. (In Russ.)
12. [Lavrov P.L.] Before the Man. *Otechestvennye zapiski*. 1870. No. 1. P. 119–167; No. 2. P. 543–562; No. 3. P. 61–100. (In Russ.)
13. [Lavrov P.L.] *Opyt istorii mysli*. [The experience of the history of thought.] Vol. I. Iss. 1. St Petersburg: Red. zhurn. "Znanie" publ., 1875. 162 p. (In Russ.)
14. Lavrov P.L. Historical Letters. *Filosofiya i sotsiologiya: Izbr. proizv. v dvukh tomakh*. [Philosophy and Sociology: Selected works in two volumes.] Vol. 2. Moscow: Akademiya nauk SSSR publ., Institut filosofii publ., Izd-vo "Mysl" publ., 1965. P. 6–295. (In Russ.)
15. Mikhailin V., Reshetnikova E. "A bit of a horse": Anthropological notes on the margin of animalistics. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2013. No. 6. Accessed 05.05.2018. URL: <<http://nlobooks.ru/node/4196>>. (In Russ.)
16. Panov E.N. *Povedenie zhivotnykh i etologicheskaya struktura populyatsii*. [Behavior of animals and the ethological structure of populations.] Moscow: Nauka publ., 1983. 423 p. (In Russ.)
17. Plyusnin Yu.M. *Problema biosotsial'noi evolyutsii: Teoretiko-metodologicheskii analiz*. [The problem of biosocial evolution: Theoretical and methodological analysis.] Novosibirsk: Nauka publ., 1990. 240 p. (In Russ.)

18. Pushkareva I., Pushkarev L. Lavrov, Petr Lavrovich. *Entsiklopediya "Krugosvet"*. [Encyclopedia "Round-the-world".] Accessed 09.05.2018. URL: <<http://www.krugosvet.ru/node/42398>>. (In Russ.)
19. Rolle F. Karl Darwin's doctrine of the origin of species in the kingdom of plants and animals, applied to the history of world creation: With the application of the biography of Darwin, compiled by S. Shenemann. [Russ. ed.: *Karla Darvina uchenie o proiskhozhdenii vidov v tsarstve rastenii i zhivotnykh, primenennoe k istorii mirotvoreniya: S prilozheniem biografii Darvina, sostavlennoi S. Shenemanom*. Transl. by M. Vladimirkii. St Petersburg: M.O. Vol'f publ., 1864. 320 p.]
20. Shimkevich V., Kareev N. Social life of animals. *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. [Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron.] Vol. 31. St Petersburg: Brokgauz-Efron publ., 1900. P. 62–64. (In Russ.)
21. Shmerlina I.A. Semiotic conception of sociality: Problem definition. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2006. No. 3–4. P. 25–45. (In Russ.)
22. Shul'ts D.P. A history of modern psychology. [Russ. ed.: *Istoriya sovremennoi psikhologii*. Transl. from Eng. by A.V. Govorunov i dr. 2nd ed. St Petersburg: Evraziya publ., 2002. 532 p.]
23. Espinas A.V. Social life of animals: The experience of comparative psychology. [Russ. ed.: *Sotsial'naya zhizn' zhivotnykh: Opyt sravnitel'noi psikhologii*. Transl. from French. 3rd ed. Moscow: Librokom publ., 2012. 320 p.]
24. Carter B., Charles N. The animal challenge to sociology. *European Journal of Social Theory*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 79–97. DOI: 10.1177/1368431016681305
25. Hsu E.L. The sociological significance of non-human sleep. *Sociology*. 2017. Vol. 51. Iss. 4. P. 865–879. DOI: 10.1177/0038038515616353
26. Immelmann K., Beer C. *Dictionary of ethology*. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 1989. 336 p.
27. Wilkie R. Animalising social life: An introduction. *Miscellanea Anthropologica et Sociologica*. 2014. No. 15 (1). P. 13–25.

Received: 11.04.2018.